Финская тема в лирике Ивана Савина в контексте акмеистической поэтики

А. А. Хадынская

*Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия,
opus2000@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье анализируется лирика Ивана Савина, представителя финской ветви русской литературной эмиграции первой волны, в контексте обозначенной проблемы-тематики творчества поэта.

Цель: рассмотреть лирику Ивана Савина на предмет акмеистических традиций в изображении финской темы.

Материалы исследования: поэтические тексты, в которых тема Финляндии наиболее репрезентативна.

Результаты и научная новизна. Выявлена специфика реализации финской темы в лирике Ивана Савина с учётом его ориентации на опыт интерпретации этой темы крупнейшими представителями акмеизма – Н. Гумилевым, А. Ахматовой, О. Мандельштамом; рассмотрена картина мира самого Савина, которая сформировалась под воздействием как культурных, так и биографических факторов, в случае с поэтом находящихся в тесной взаимосвязи. К культурным отнесём его ориентацию на петербургский текст, объясняемую кратковременным пребыванием в Петербурге и влиянием на его лирику поэтов акмеистического круга; к числу биографических – тяжёлый опыт участия в гражданской войне на стороне белых и последовавшая за этим эмиграция. Данный аспект творчества Савина ещё не был предметом научного изучения.

Ключевые слова: Иван Савин, финская ветвь русской эмиграции, русская эмиграция первой волны, акмеистическая поэтика, петербургский текст, финская тема, образ Финляндии.

Для цитирования: Хадынская А. А. Финская тема в лирике Ивана Савина в контексте акмеистической поэтики // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. №. 2. С. 318–327.

Finnish theme in the lyrics of Ivan Savin in the context of acmeistic poetics

A. A. Khadynskaya

*Surgut State University,
Surgut, Russian Federation,
opus2000@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article considers the lyrics of Ivan Savin, a representative of the Finnish branch of Russian literary emigration of the first wave, in the context of the problematics of the poet's creativity.

Objective: to consider the lyrics of Ivan Savin on the subject of acmeistic traditions in representation of Finnish theme.

Research materials: the corpus of poetic texts, in which the theme of Finland is the most representative.

Results and novelty of the research: the article revealed the specifics of realization of the Finnish theme in the lyrics of Ivan Savin in the light of his focus on the experience of interpretation of this theme by the largest representatives of acmeism – N. Gumilev, A. Akhmatova, O. Mandelstam; the work studies the picture of the world of Savin, which was formed under the influence of both cultural and biographical factors. We refer his orientation to the Petersburg text, explained by his short stay in St. Petersburg, and the influence of acmeists on his lyrics to the cultural factors; to the biographical factors we refer his heavy experience in the Civil War on the side of white and the subsequent emigration. This aspect of Savin's creativity was not the subject of scientific research.

Key words: Ivan Savin, Finnish branch of Russian emigration, Russian emigration of the first wave, acmeistic poetics, Petersburg text, Finnish theme, image of Finland.

For citation: Khadynskaya A. A. Finnish theme in the lyrics of Ivan Savin in the context of acmeistic poetics // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (2): 318–327.

Введение

Финская тема в творческом наследии русских эмигрантов неоднократно была предметом научного интереса как отечественных, так и зарубежных исследователей, но своё внимание они уделяли, в основном, прозаическим текстам, как мемуарным, так и художественным; кроме того, рассматривались финско-русские культурные влияния, а также общая атмосфера жизни финской диаспоры [7; 10; 16; 17; 18; 19; 20; 21]. В числе последних заметных работ в этой области можно назвать монографию Е. Г. Сойни «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века» [11], в которой уделяется внимание именно лирическим текстам: поэзии В. Гарднера, В. Булич и И. Савина. В лирике Ивана Савина автором выявлены переключки с поэзией А. Блока, но в целом объём исследования очень невелик, автор не ставил цели проанализировать поэтику стихотворений, определить её «генетическое родство» с литературными традициями метрополии. Лирическое наследие Савина стало предметом изучения в исследовании М. Е. Крошневой [5]. В книге «Пути и лица. О русской литературе XX века» (2008) А. И. Чагина лирика указанных авторов также рассмотрена, но обзорно, без детального анализа поэтических текстов [15]. Следует отметить, что и М. Е. Крошневая, и А. И. Чагин определяли принадлежность Ивана Савина к так называемой «петербургской поэтике», обнаруживали его акмеистическую ориентацию, но только лишь в плане констатации, без анализа поэтики, фиксируя общую направленность его сборников в сторону акмеистической ясности и «вещности».

С нашей точки зрения, лирика Ивана Савина действительно демонстрирует глубокую связь с поэтикой акмеизма, усвоенную через «петербургский текст», имеются очевидные переключки интерпретации финской темы у акмеистов метрополии (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам) и её варианта у Савина, что ещё не было предметом научных изыска-

ний. Близость общих принципов трактовки образа Финляндии становится очевидной при сопоставлении не только стихов, но и очерковой прозы Савина и, например, О. Мандельштама. Но при сравнении этих трактовок обнаруживается и разница в поэтической рефлексии Финляндии у представителей метрополии и диаспоры, хорошо заметная при текстологическом сопоставлении стихотворений. Свообразие финской темы у Савина вырастает из его тяготения к акмеистической поэтике, вследствие чего оказалось необходимым проследить лирическое воплощение образа Финляндии в его стихах с позиции культурного диалога с акмеистами метрополии, определить общее с ними культурное поле, а также отметить индивидуальные черты в рефлексии финской темы у поэта, связанные с особенностями уже собственно эмигрантской лирики первой волны, для которой главной темой стала ностальгия.

Материалы и методы

Материалом послужил опубликованный на данный момент корпус поэтических текстов Ивана Савина [8; 9], а также стихотворения Н. Гумилёва [3], А. Ахматовой [1] и О. Мандельштама [6] как репрезентативные акмеистические тексты, отражающие финскую тематику.

Методология исследования опиралась на интерпретацию художественных текстов с акцентом на теоретико-литературоведческие понятия (акмеизм, литературная традиция, поэзия диаспоры и метрополии и пр.). Кроме того, при анализе текстов применялся сравнительно-исторический метод, для сопоставления хронологически разнесённых, но типологически близких текстов.

Результаты

Важной причиной изображения Финляндии у Ивана Савина в акмеистическом ключе следует считать уже имеющийся в этом смысле опыт акмеистов, у которых образ Финляндии во многом трактовался в контексте петербургской

поэтики; для поэта он стал своеобразной отправной точкой и полем для эстетической полемики. В известном очерке О. Мандельштама «Финляндия» северная территория изображена как сказочная страна, куда мальчиком поэт ездил на каникулы, отчего она имеет отчётливый облик идиллического пространства: жители воспринимались как добродушные и гостеприимные хозяева, близкие сердцу петербуржца. Идеализации образа Финляндии способствовал и дачный быт, и ощущение страны как своего пространства, отличаю-

щегося, однако, некоей этнической экзотикой [6, 62–65]. Лирический образ Финляндии у Мандельштама в общем и целом коррелирует с мемуарным: в нём поэт следует своим эстетическим установкам «культурных переключек» через времена и эпохи. В одном из стихотворений финский континуум «маркируется» традиционными культурными знаками древнего эпоса, и если бы не топоним Сайма и наименование эпоса – Калевала, догадаться о «финской принадлежности» было бы очень трудно:

О, красавица Сайма, ты лодку мою колыхала,
Колыхала мой челн, челн подвижный, игривый и острый,
В водном плеске душа колыбельную негу слыхала,
И поодаль стояли пустынные скалы, как сестры.

Отовсюду звучала старинная песнь – Калевала:
Песнь железа и камня о скорбном порыве титана.
И песчаная отмель – добыча вечернего вала, –
Как невеста, белела на пурпуре водного стана.

Как от пьяного солнца бесшумные падали стрелы
И на дно опускались и тихое дно зажигали,
Как с небесного древа клонилось, как плод перезрелый,
Слишком яркое солнце и первые звезды мигали,

Я причалил и вышел на берег седой и кудрявый;
Я не знаю, как долго, не знаю, кому я молился...
Неоглядная Сайма струилась потоками лавы,
Белый пар над водою тихонько вставал и клубился. [6, 262]

Следуя общей русской культурной традиции, Мандельштам передаёт эпичность стиля трёхсложником (пятистопным анапестом), что выдаёт его эллинизм, ориентацию на греческий эпос, тогда как оригинальный слог финских рун больше напоминает русский хорей. Финский язык с его дифтонгами, долгими и краткими слогами и основным ударением на первом слоге очень отличается от русского, поэтому ритм Калевалы передать хореем очень сложно, и именно поэтому, вероятно, поэт прибегает в данном случае к классическим русским трёхсложникам (на «греческий образец» намекают «титаны», «пурпурный» («с перстами пурпурными Эос»), старославянизм «древо» и пр.).

В творчестве А. Ахматовой Финляндия всё же более национально колоритна, она уже «обрела знаки общескандинавского эпического

мира» [1, 202]; финская тема связана у неё с противопоставлением запада и востока (воспринимаемого как «верный Север»), а также с противостоянием лирической героини враждебному миру (саму себя она называет «железной Суоми»); финская земля учит героиню мужественности и стоическому принятию жизни (курсив наш – А.Х.):

Запад клеветал и сам же верил,
И роскошно предавал Восток,
Юг мне воздух очень скупое мерял,
Усмехаясь из-за бойких строк.
Но стоял как на коленях клевер,
Влажный ветер пел в жемчужный рог,
Так мой старый друг, *мой верный Север*
Утешал меня, как только мог.
В душевной изнывала я истоме,
Задыхалась в смраде и крови,

Не могла я больше в этом доме...
Вот когда *железная Суоми*
Молвила: «Ты всё узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи!». [1, 353]

Интересный факт из жизни А. Ахматовой: в 1915 году она лечилась от туберкулёза в финском санатории Хювинкя (по-шведски Хювинге) – известном курорте в 60 км от Хельсинки, где бывал и О. Мандельштам. Её пребывание увековечено на мемориальной доске на одном из зданий, с надписью на трёх языках – русском, финском и шведском (её открытие произошло в 1992 году, авторы: архитектор Филипп Гепнер и скульптор Ян Нейман). В начале XX века на этом курорте бывали настоящие вечера дружбы, когда вместе собиралась творческая интеллигенция и звучала русская, финская, шведская и немецкая речь. Здесь жила и писала картины в течение почти 20 лет финская художница Хелена Шьерфбек, часто приезжал известный финский поэт Эйно Лейно, пел гостям великий Фёдор Шаляпин. Санаторий прекратил своё существование в 1939 году во время Советско-финской войны – был разрушен во время бомбёжки, в настоящее время здесь находится оздоровительный центр.

Последним местом жизни А. Ахматовой и местом её упокоения, как известно, стало Комарово – бывший финский посёлок Келломяки (от финского – «колокольная гора»), позже он получил название по фамилии известного советского ботаника В. Комарова. Там же находится её могила с надгробием в виде тюремной стены – сыновняя дань Льва Гумилёва в знак признания материнских страданий в очередях у петербургских Крестов (он сам соорудил её из камней, собранных на берегу Финского залива). В своей знаменитой «Будке» (так она называла маленький дом, который выделило ей государство в 1955 году) Ахматова принимала лучших представителей творческой интеллигенции. В их числе был И. Бродский, который написал ей стихотворение «Утренняя почта для А. А. Ахматовой из города Сестрорецка» (1962), эмоционально точно передающее особую духовную атмосферу этого посёлка, напоминавшую эмигрантскую – ту, которая была совсем рядом, на тех же берегах Финского залива. Для самого Бродского, будущего

эмигранта, финский пейзаж оказался неразрывно связан с образом великой женщины-Поэта; в нём очевидны и пушкинские аллюзии (элегия «Осень» и другие его философские стихотворения):

В кустах Финляндии бессмертной,
где сосны царствуют сурово,
я полон радости несметной,
когда залив и Комарово
освещены зарей прекрасной,
осенены листвою беспечной,
любовью Вашей – ежечасной
и Вашей добротою – вечной. [2, 212]

В строках А. Ахматовой, посвящённых её последнему приюту – бывшему финскому посёлку, звучит терпкая пушкинская печаль, осознание неизбежности конца и в то же время духовной стойкости, чем всегда отличалась она сама. Её ощущения сродни эмигрантским, которые позже возникнут у поэтов «финской тропы русского рассеяния» (А. Чагин): «земля хотя и не родная» (слова Ахматовой), но давшая кров. Семантическим стержнем этого «финского» стихотворения становится оппозиция «своё-чужое», традиционная для эмигрантской литературы; по тональности и общей идее текст Ахматовой, выбравшей, как известно, родину и осуждавшей эмиграцию, становится очень близким к стихам несчастных изгнанников, потерявших родину поневоле:

Пусть кто-то ещё отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень – и осень в подруги
Я выбрала в этом году.

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
И, кажется, будто глядится Суоми
В пустые свои зеркала.

Иду между чёрных приземистых ёлок,
Там вереск на ветер похож,
И светится месяца тусклый осколок,
Как финский зазубренный нож. [1, 231]

У Н. Гумилева финская тема возникла под влиянием живописи Н. Рериха и связана с общей северной, скандинавской темой, относящейся к финнам опосредованно: как известно, в формировании их как нации немалую

роль сыграли викинги (VIII–XI вв.) и шведы (IX–XV вв.). В поэме «Гондла» (1918) поэт обращается к историческому прошлому Исландии IX века, повествуя о столкновении норманнской и кельтской культур. В стихотворении «Стокгольм» (сб. «Костер», 1918) Гумилёв словно предсказывает судьбу эмигрантов, ставших таковыми волею судеб:

«О, Боже, – вскричал я в тревоге, – что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зелёной и солнечной этой стране?»

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времён,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещён. [3, 241]

В стихах Гумилёва, Мандельштама и Ахматовой образ Финляндии рождён во многом стилистикой акмеизма и «акмеистических отголосков» в их творчестве: он явно «эстетического происхождения», его особенности связаны с «пейзажем души» лирического героя, его настроением отыскать своё место в культурной истории человечества.

Ещё одним фактором, повлиявшим на формирование финской темы у Савина, стало его эмигрантское окружение. Что касается отражения образа Финляндии в лирике эмигрантов, то крупные его представители оказались как раз наследниками акмеистической линии в поэзии и последовали вслед за «старшими товарищами», реализуя на эмигрантской почве жизнь «петербургского текста», тем более географически и биографически они с Петербургом были тесно связаны. Но в эмигрантской интерпретации финского текста будет одно важное отличие от «варианта метрополии»: для поэтов-изгнанников Финляндия стала новой родиной, и они искренне хотели принять её в свои сердца, но она «не разрешила» этого, что и составило «драму бездомья» у поэтов, в общем-то, как-то устроившихся на финской земле и ушедших там на последний покой. Как точно заметила Е. Г. Сойни, «образ Финляндии, финской природы, культуры в поэзии Веры Булич, Вадима Гарднера, Ивана Савина

и многих других интересен уже потому, что Финляндия была для них не очень тёплым, но все-таки домом. Они воспринимали её не как туристы, не как изгнанники, а как нелюбимые дети... Их связывали с родиной и друг с другом русский язык, русская история, культура, то, что мы сейчас называем менталитет» [11, 44]. При всей индивидуальности лирического почерка каждого из представителей финской диаспоры, их роднит, словами А. И. Чагина, «ориентация на классическую традицию, обновлённую открытиями символизма и опытом акмеистов, увенчанную именами Пушкина, Блока, Ахматовой, Гумилёва. Иными словами, петербургская школа русской поэзии поселилась в 1920–1930-е годы на финской земле, во многом определяя художественные поиски живших здесь поэтов-изгнанников» [15, 338].

В отличие от петербурженки Веры Булич, Иван Савин не был уроженцем города на Неве, но оказался связан с ним парой лет пребывания там с отцом перед отъездом в Финляндию¹. И их вполне хватило, чтобы поэта заинтересовал особый культурный магнетизм столицы и позволил сформироваться у южного человека (Савин родился в Одессе и провёл детство в Полтавской губернии) узнаваемому «петербургскому голосу». Судьба Савина, полная драматических и даже трагических событий, привела его, в конечном итоге, на финскую землю, которую он, помотавшийся по фронтам Гражданской войны и чудом выживший белый офицер, искренне любил и воспел в своих стихах.

На наш взгляд, христианские мотивы существуют у Савина в постакмеистическом контексте, то есть в его случае имеют тесную связь с символистским мировидением (ориентация на творчество А. Блока очень сильна в его поэзии), осложнённым внешней ситуацией эмиграции, определившей в лирике особый трагизм мировосприятия, выразившийся в мотивах бездомья и ностальгии, о чём красноречиво говорят, например, такие стихотворные строки: «Ты ли, Русь бессмертная, мертва? / Нам ли сгинуть в чужеземном море?! [8, 19]. В стихотворении «На Сайме» очевидны переклички с мандельштамовским «О, красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...»:

¹ О «петербургском тексте» у Булич см. статью «Образы России и Финляндии в сборнике Веры Булич «Бурелом» [12].

Чего здесь больше, капель или игл?
Озёрных брызг или сосновых хлопьев?
Столетний бор, как стомачтóвый бриг,
Вонзился в небо тысячами кольев.

Сбегают тэни стрельчатой грядой
На кудри волн по каменистым склонам,
А лунный жар над розовой водой
Приколот одуванчиком зелёным.

Прозрачно дно. Озёрные поля
Расшиты жёлтыми шелкáми лилий.
Глухой рыбак мурлычет у руля
Про девушку, которую убили.

В ночную воду вёсла уронив,
Дремлю я, сердце уронив в былое.
Плывёт, весь в чёрном бархате, залив
И всё в огнях кольцо береговое.

Проснулся ветер, вынырнув из трав,
Над стаей туч взмахнул крылом незримым...
И лунный одуванчик, задрожав,
Рассыпался зеленоватым дымом. [8, 34].

В стихотворениях схожий поэтический словник: водная стихия (капли и брызги, озёрные поля – водный плёс, водный стан), стрельчатая гряда – падали стрелы, небо – небесное древо, прозрачно дно – на дно опускались, тихое дно, кудри волн – берег седой и кудрявый, каменистые склоны – песнь железа и камня, в огнях кольцо береговое – потоки лавы, зеленоватый дым – белый пар, дремлю я – колыбельная нега, рыбак мурлычет у руля – звучала старинная песнь Калевалы, девушка – сестры, невеста. Но в пейзажах очевидно и различие: у Мандельштама стихотворение не имеет названия, но в начале и конце упоминается «красавица Сайма», «неоглядная Сайма»; у Савина имеется название – «На Сайме», но в тексте нигде топоним не употреблён. У Мандельштама женский род предполагает реку, у Савина несколько раз упомянуто озеро (озёрные брызги, озёрные поля, кольцо береговое). Географически Савин более точен, так как Сайма – это самое большое по площади озеро Финляндии, входящее в систему из восьми озёр. Из него вытекает одна река, Вуокса, впадающая в Ладожское озеро. Пейзаж у Мандельштама вечерний, описано садящееся в озеро солнце,

лучами пронзающее воду до дна («тихое дно зажигали»), окрашивающее прибрежные воды («пурпур водного стана»). Движение и шум волн напоминают лирическому герою звуки старинной песни – Калевалы. В стихотворении сильно женское начало: красавица Сайма; скалы, как сестры; песчаная отмель, как невеста; старинная песнь Калевалы. Вся атмосфера стихотворения дышит вечностью, словно сама земля колыхается в такт древним мировым ритмам. О себе лирический герой говорит в последней строфе: он долго молился, и струящийся белый пар над водой напоминает кадильный дым в храме. Природа как храм, состояние мира до человека, обобщённый образ природы, где венцом творения лирический герой видит себя – вот такую картину видим мы у Мандельштама.

У Савина пейзаж более земной, отличается обилием конкретных деталей. В первой строфе выделяется метафора соснового леса как «стомачтового брига», который «вонзился в небо тысячами копьев» (как известно, в этой местности растут знаменитые корабельные сосны), от этих сосен на берегу тени расходятся «стрельчатой грядой». У Савина пейзаж лунный, причём ночное светило изображено при помощи необычной метафоры – «одуванчика зелёного»; вокруг «чёрный бархат» залива, на суше виднеется цепь «береговых огней». В последней строфе ветер нагоняет на луну тучи, и её свет «рассыпается зеленоватым дымом». В целом, по колористике и деталям пейзаж очень напоминает знаменитую картину Архипа Куинджи «Лунная ночь на Днепре», такая вольная ассоциация может быть подкреплена биографическими данными: Савин детство и юность провёл на южных окраинах России. В стихотворении Савина три персонажа: глухой рыбак, который поёт песню об убитой девушке (это второй персонаж, представленный имплицитно), и лирический герой, плывущий по озеру в лодке, опустив весла. У Мандельштама лирический герой «причалил и вышел на берег», подобно культурному герою (общекультурный символ), у Савина он вместе с финским рыбаком находится в центре пейзажа, отдавшись воле волн, что более точно соответствует «калевальскому» мироустройству, предполагающему человека равным членом природного сообщества. Отношение Мандельштама

к языческой Калевале можно определить скорее, как к культурному наследию, топоним для поэта звучит как женское имя (сообразно внешнему грамматическому облику слова), он не заботится об исторической и географической достоверности, для него важно описать красоты Финляндии как культурный феномен, вписать её в общий культурный контекст человечества. Савин же, при всей прикреплённости к традиции, описывает озеро как родное пространство, его метафорика предельно земная (капли, брызги, иглы, хлопья – это вода и сосны, главные богатства Финляндии), упоминание жёлтых лилий – кувшинок, характерных для озера как водоёма, даже рыбак на лодке не случаен – как известно, клёв особенно хорош вечером. Предметная конкретика и интерес к деталям позволяет говорить об экфрастичности его пейзажей, что в принципе характерно для акмеистически ориентированных авторов [13; 14].

К описанному пейзажу близка картина природы в стихотворении «Когда палящий день остынет...» (1924), в которой типичный финский пейзаж (море, скалы, маяк) отвечает душевному порыву романтически настроенного лирического героя: он вышел на берег моря на закате, чтобы «Бродить у смуглых берегов, / Береговые камни метить / Иероглифами стихов» [8, 32]. Через образ звезды он генетически связан с героем-конквистадором из ранней поэзии Гумилёва («я весело приветствую звезду»), у Савина он поэт любви:

Я сердце маленькое вышью
Большими крестиками звёзд.
И, опьянённый бредом лунным,
Её сиреневым вином,
Ударю по забытым струнам
Забытым сердцем, как смычком... [8, 32]

В стихотворении «Закат» (1924) (заход солнца и ночь – любимые времена суток Савина, выдающего в нем романтически ориентированного поэта) узнаваем зимний финский пейзаж, неизменные лыжи – верные спутники северного народа. Но, кроме этнографических отсылок, очевидны и символистские аллюзии на блоковскую «Сольвейг», тем более что речь идёт о любовной истории; узнаваемы блоковские символы «невесты», «сна», «слёз»:

Поют снега. Покорной лыжей
Черчу немудрые следы.
Все строже север мой, все ближе
Столетьем скованные льды.
Бегу по сказочной поляне,
Где кроток чей-то бедный крест,
Где снег нетронутый желанней
Всех нецелованных невест.
Мне самому мой бег неведом.
Люблю бескрайности пустынь.
Цветёт закат. За лыжным следом
Следит серебряная синь.
Недвижна белая громада
Снегов в узорчатой резьбе...
Вчера мне снилось, что не надо
Так много плакать о тебе... [8, 39]

В блоковском тексте Сольвейг сама прибегает на лыжах к лирическому герою, у Савина же он сам «бежит по сказочной поляне», и причина этого бега вроде бы ясна (Сольвейг оставила его), но лирический герой все равно называет его «бегом неведомым», что позволяет говорить о расширительном контексте бега – эмигрантском, от советского строя (соотносимо с «Бегом» М. Булгакова).

Блоковский текст (стихотворение «В дюнах») аллюзивно присутствует в стихотворении «У последней черты» (1926), посвящённом И. А. Бунину, о чем уже делались наблюдения Е. Г. Сойни [11, 250–251]. Соглашаясь с исследовательницей, добавим, что двадцать лет, разделяющие тексты по времени написания, вносят эмигрантский модус повествования: это взгляд с другой стороны границы, Россия впереди, но недостижима, и это подчёркивается акмеистически точными деталями (курсив наш – А.Х.):

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарию,
Тем с большей нежностью и грустью
России «Здравствуй» говорю. [8, 62]

Финляндия у Блока, прежде всего, связана с темой любви, трактуемой в символистском контексте (от героя ускользает юная финская дева); у Савина она переосмыслена в эмигрантском, ностальгическом ключе, в словах героя ощущается трагедия окончательного разрыва с родиной, что воспринимается как отсечение от материнского лона, от своего рода-племени;

аллюзивно насыщенный образ России-птицы (у Савина чайки, что диктуется морским финским контекстом) сопрягается у поэта с темой бездомья и безродства: «И я крещу рукой безродной / Пропавший след её крыла» [8, 62].

Острое переживание отчуждения от родины в «финских стихах» Савина постепенно нарастает. Оставаясь художником, чутким к красоте природы, любясь местными пейзажами, поэт, тем не менее, вынужден констатировать невозможность душевного слияния с новой родиной, как это было, например, у того же Блока («твои мне песни ветровые, – / Как слезы первые любви»). Особенно это заметно в «зимних» стихотворениях: казалось бы, северные пейзажи должны примирять поэта с Финляндией, вызывая в памяти русские снега, но даже в этом он видит душевное отторжение. Описывая, например, красоту финского снега, восхищаясь его белизной и невинностью, он всё же признает его чуждость своей русской душе, словно перенося на него собственные душевные страдания эмигранта. Это подтверждается в стихотворении «Новый год» (1922), которое коррелирует с упомянутыми выше очерками к Новому году: в нем герой надеется на освобождение России от советского плена, зажигая на чужбине трёхцветные лампы на «забытых могилах» – это его дань памяти не сдавшимся, не признавшим отречения от идеалов веры, и финские снега здесь выступают как враждебное окружение, аналогичное советским границам, не пускающим его домой (курсив наш – А.Х.):

Вот зачем, задыхаясь в оградах
Непушистых, нерусских снегов,
Я сегодня в трёхцветных лампадах
Зажигаю грядущую новь. [8, 48]

Таким образом, несмотря на любовь к финской природе, Савин не перестаёт считать берега Финляндии чужими; лирический настрой с завидным постоянством «переплавляется» у него в патриотический пафос (курсив наш – А.Х.):

К России гневная любовь
Проклятьем иссушила губы.
К граниту чуждых берегов
Пяти расстрелянных годов
Плывут пугающие трупы... [8, 50]

Обсуждение и заключения

Финская тема в лирике Ивана Савина выдаёт акмеистическую ориентацию поэта в плане демонстрации культурной глубины и интереса к точным деталям в образе Финляндии. Но следует учитывать и влияние эмигрантского модуса бытия, который выводит финскую тему в постакмеистическую плоскость, придавая ей экзистенциальную тональность. В этом смысле лирика Савина созвучна всей литературе диаспоры первой волны, для поэзии которой она является манифестной, вкуче с ностальгической тематикой.

Мы считаем продуктивным дальнейшее изучение творчества представителей финской ветви русской эмиграции на предмет отражения в них акмеистических традиций, а также исследование специфики финской темы в их творческом наследии. По нашим предположениям, она также будет носить акмеистический характер и испытывать на себе влияние перечисленных факторов, при безусловном учёте авторских интерпретаций.

Список источников и литературы

1. Ахматова А. А. Сочинения в 2-х томах. М.: Худ. лит., 1990. Т. 1. 526 с.
2. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. I. 304 с.
3. Гумилёв Н. С. Стихи; Письма о русской поэзии. М.: Худ. лит., 1989. 447 с.
4. Крейд В. Иван Савин. Только одна жизнь (рецензия) // Новый журнал. 1988. Кн. 171. С. 295–299.
5. Крошнева М. Е. Творческая судьба Ивана Савина (1899–1927): автореф. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. 24 с.
6. Мандельштам О. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 2. 730 с.
7. Маташина И. С. Восприятие творчества Ф. М. Достоевского в шведоязычной литературе Финляндии XX века // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере» (Петрозаводск, 1–2 октября 2015 года). Петрозаводск: [б.и.], 2016. С. 196–198. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/124973-6-materiali-nauchnoy-konferencii-bubrihovskie-cheniya-gumanitarnie-nauki-evropeyskom-severe-petrozavodsk-1-2-oktyabrya-201.php>. (дата обращения: 29.12.2018).

8. Савин И. «Всех убиенных помяни, Россия...». Стихи и проза. М.: Грифон, 2007. 424 с.
9. Савин И. Избранное: Стихотворения, проза, драма, литературная критика, публицистика. Ульяновск: УлГТУ, 2006. 103 с.
10. Сойни Е. Г. Взгляд на Россию в поэзии Финляндии XX века // «Свое» и «чужое» в культуре: матер. XI Междун. науч. конф. Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 150–152.
11. Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М.: Изд. Дом ЯСК, 2017. 464 с.
12. Хадынская А. А. Образы России и Финляндии в сборнике Веры Булич «Бурелом» // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 76–83.
13. Хадынская А. А. Экфрастическая природа образа Царского Села в поэме Н. Оцупа «Встреча» // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4-4 (46). С. 87–91.
14. Хадынская А. А. Экфрастичность в творчестве московских поэтов акмеистического круга: лирика Николая Минаева // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 2018. С. 635–652.
15. Чагин А. И. Финская тропа в русском рассеянии // Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 332–340.
16. V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы / Отв. ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен. Петрозаводск: [б.и.], 2014. 655 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pjataja/text.pdf>. (дата обращения: 29.12.2018).
17. Baschmakoff N., Leinonen M. Russian life in Finland 1917–1939. A local and oral history. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 2001, vol. VIII. 485 p.
18. Boele O. North in Russian romantic literature. Amsterdam; Atlanta: Rodopi Bv Editions, 1996. 303 p. (Series: Studies in Slavic literature and poetics, vol. XXVI).
19. Bykling L. Московский художественный театр и финские театральные деятели в начале XX века // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki: Venajan ja Ita-Euroopan inst, 2001. Vol. IV.
20. Ekonen K., Hellman B. Aleksandr Kuprin and Finland // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 1991. Vol. IV. Pp. 27–97.
21. Pachmus T. Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland. New York: Peterland Publishing, 1992. 300 p.

References

1. Akhmatova A. A. *Sochineniya v 2-kh tomakh* [Works in 2 volumes]. Moscow: Khud. lit. Publ., 1990. Vol. 1. 526 p. (In Russian)
2. Brodsky I. *Sochineniya Iosifa Brodskogo* [Works of Iosif Brodsky]. Saint-Petersburg: Pushkinskiy fond Publ., 2001. Vol. I. 304 p. (In Russian)
3. Gumilev N. S. *Stikhi; Pis'ma o russkoy poezii* [Poems; Letters about Russian poetry]. Moscow: Khud. lit. Publ., 1989. 447 p. (In Russian)
4. Kreyd V. *Ivan Savin. Tol'ko odna zhizn' (retsenziya)* [Ivan Savin. Only one life (review)]. *Novyy zhurnal* [New journal], 1988, book 171, pp. 295–299. (In Russian)
5. Kroshneva M. E. *Tvorcheskaya sud'ba Ivana Savina (1899–1927)* [Creative fate of Ivan Savin (1899–1927)]. Ulyanovsk, 2005. 24 p. (In Russian)
6. Mandelstam O. *Sobranie sochineniy v 4-kh tomakh* [Collected works in 4 volumes]. Moscow: TERRA Publ., 1991. Vol. 2. 730 p. (In Russian)
7. Matashina I. S. *Vospriyatie tvorchestva F. M. Dostoevskogo v shvedoyazychnoy literature Finlyandii XX veka* [Perception of the creativity of F. M. Dostoevsky in Swedish literature of Finland of the XX century]. *Materialy nauchnoy konferentsii «Bubrikhovskie chteniya: gumanitarnye nauki na Evropeyskom Severe» (Petrozavodsk, 1–2 oktyabrya 2015 goda)* [Proceedings of the scientific conference «Bubrikhov's Readings: the humanities in the European North» (Petrozavodsk, October 1–2, 2015)]. Petrozavodsk: [w/p], 2016. pp. 194–196. Available at: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/124973-6-materiali-nauchnoy-konferentsii-bubrikhovskie-cheniya-gumanitarnie-nauki-evropeyskom-severe-petrozavodsk-1-2-oktyabrya-201.php> (accessed December 29, 2018). (In Russian)
8. Savin I. «Vsekh ubiennykh pomyani, Rossiya...». *Stikhi i proza* [«Remember all the victims, Russia ...». Poems and prose]. Moscow: Grifon Publ., 2007. 424 p. (In Russian)
9. Savin I. *Izbrannoe: Stikhotvoreniya, proza, drama, literaturnaya kritika, publitsistika* [Selected: Poems, prose, drama, literary criticism, journalism]. Ulyanovsk: UIGTU Publ., 2006. 103 p. (In Russian)

10. Soyni E. G. *Vzglyad na Rossiyu v poezii Finlyandii XX veka* [A look at Russia in the poetry of Finland in the XX century]. «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture. *Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Instituta yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [«Us» and «them» in the culture. Materials of the XI International scientific conference of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2017. pp. 150–152. (In Russian)
11. Soyni E. G. *Vzaimoproniknovenie russkoy i finskoy literatury v pervoy polovine XX veka* [Interpenetration of Russian and Finnish literatures in the first half of the XX century]. Moscow: Izd. Dom YaSK Publ., 2017. 464 p. (In Russian)
12. Khadynskaya A. A. *Obrazy Rossii i Finlyandii v sbornike Very Bulich «Burelom»* [Images of Russia and Finland in the collection of Vera Bulich «Windbreak»]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 2 (25), pp. 76–83. (In Russian)
13. Khadynskaya A. A. *Ekfrasticheskaya priroda obraza Tsarskogo Sela v poeme N. Otsupa «Vstrecha»* [Ecphrasis nature of the image of Tsarskoe Selo in the poem of N. Otsup «Meeting»]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2016, no. 4–4 (46), pp. 87–91. (In Russian)
14. Khadynskaya A. A. *Ekfrastichnost' v tvorchestve moskovskikh poetov akmeisticheskogo kruga: lirika Nikolaya Minaeva* [Ecphrasis in the creativity of Moscow poets of acmeist community: lyrics of Nikolay Minaev]. *Teoriya i istoriya ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniya* [Theory and history of ecphrasis: results and prospects of study]. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL Publ., 2018. pp. 635–652. (In Russian)
15. Chagin A. I. *Finskaya tropa v russkom rasseyanii* [Finnish trail in Russian scattering]. *Puti i litsa. O russkoy literature XX veka* [Ways and persons. About Russian literature of the XX century]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2008. pp. 332–340. (In Russian)
16. *V Vserossiyskaya konferentsiya finno-ugrovedov «Finno-ugorskiye yazyki i kultury v sotsiokulturnom landshafte Rossii»: materialy* [V All-Russian conference of Finno-Ugric scholars «Finno-Ugric languages and cultures in the socio-cultural landscape of Russia»: materials]. Ed. by N. G. Zaytseva. I. I. Mullonen. Petrozavodsk: [w/p], 2014. 655 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/pjataja/text.pdf>. (accessed: December 29, 2018). (In Russian)
17. Baschmakoff N., Leinonen M. Russian life in Finland 1917–1939. A local and oral history. *Studia Slavica Finlandensia*, 2001, vol. VIII, 485 p. (In English)
18. Boele O. *North in Russian romantic literature*. Amsterdam; Atlanta, 1996. 214 p. (Seriya: Studies in Slavic literature and poetics. Vol. XXVI). (In English)
19. Bykling L. *Moskovskiy khudozhestvennyy teatr i finskie teatral'nye deyateli v nachale XX veka* [Moscow Art Theater and Finnish theater workers at the beginning of the XX century]. *Studia Slavica Finlandensia*, 2001, vol. IV. (In English)
20. Ekonen K., Hellman B. Aleksandr Kuprin and Finland. *Studia Slavica Finlandensia*, 1991, vol. IV, pp. 27–97. (In English)
21. Pachmus T. *Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland*. New-York: Peterland Publishing, 1992. 300 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Хадынская Александра Анатольевна, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Сургутского государственного университета (628412, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, проспект Ленина, 1), кандидат филологических наук
opus2000@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9642-1798

ABOUT THE AUTHOR:

Khadynskaya Alexandra Anatolyevna, Associate Professor of State Commission for Academic degrees and Titles, Associate professor of Department of Linguistics and Translation studies, Surgut State University (6284121, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, Lenin st., 1), Candidate of Philological Sciences.
opus2000@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9642-1798